

Глава 2

Обольщение Запада

«Хочу, чтобы Россия стала частью Европы»

После того, как объединенные силы группировки НАТО в марте 1999 г. произвели бомбардировки Югославии, отношения России с альянсом оказались замороженными. «Представителю НАТО в Москве посоветовали паковать чемоданы, — заявил министр иностранных дел Игорь Иванов. — Пока не прекратится агрессия против Югославии, никаких контактов с НАТО, в том числе с генеральным секретарем альянса, не будет».

Но в начале 2000 г., вскоре после того, как исполняющим обязанности президента России стал Владимир Путин, в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, в кабинете генерального секретаря, раздался телефонный звонок. Звонил не кто иной, как Игорь Иванов. Новый глава НАТО Джордж Робертсон был чрезвычайно удивлен. Он прибыл в Брюссель в октябре и считал, что одной из его первоочередных задач будет возвращение России «в лоно безопасности». Но пока у него это не очень-то получалось.

«Если вы подумываете о визите в Москву, — произнес Иванов, — хочу сказать, что это будет приветствоваться».

Робертсон стал первым крупным западным политиком, кто встретился с новым российским президентом. Он прилетел

в Москву в феврале на самолете, предоставленном германскими ВВС. Путину, как показалось, доставила удовольствие эта идея, а вид самолета люфтваффе помог сломать лед.

«Почему вы прилетели на немецком самолете?» — спросил он.

Робертсон быстро сообразил, что слово «люфтваффе», выписанное на борту самолета, вызывает в России определенные чувства, связанные с несчастьями, которые немецкие бомбардировщики принесли стране в годы Второй мировой войны. Он объяснил, что у НАТО нет своих самолетов, поэтому приходится «занимать» их у стран — членов организации. Путин хмыкнул и решил попрактиковаться в английском. «Maybe next time, secretary general, you should come in a British plane»*.

Робертсон привез ему подарок — книгу на английском языке о царском дворе, которую нашел в антикварном магазине. Российский лидер был польщен. Оказалось, что он предпринимает серьезные усилия для изучения английского, поскольку теперь его профессия «общения с людьми» предполагает контакты с многочисленными лидерами зарубежных стран.

«Мне нравится читать английские книги вслух для практики, — сообщил он Робертсону и добавил: — Так что моя собака уже бегло владеет английским». Это можно было расценить как пропагандистское наступление, смешанное с шуткой. Робертсон вспоминает, что Путин в тот момент был несколько грубоват. «Видна была некоторая неуверенность в себе, которая со временем исчезла. Он был новичком на этой должности. На самом деле он еще и не занял эту должность, а был только исполняющим обязанности президента».

«Я хотел бы уладить наши отношения, — сказал Путин. — В настоящее время они неконструктивны, и мне хотелось бы восстановить отношения с НАТО. Шаг за шагом. Это не может произойти в одночасье, и многие со мной не согласны по этому поводу».

* Генеральный секретарь, может, в другой раз вам лучше прилететь на британском самолете. *Прим. перев.*

Путин показал на своего министра обороны маршала Игоря Сергеева и министра иностранных дел Игоря Иванова: «Но я знаю, чего хочу, а я хочу, чтобы Россия была частью Европы. Это — наша судьба. Давайте подумаем, как нам лучше всего это сделать».

Британский посол говорил Робертсону, что на него произвело впечатление столь смелое внешнеполитическое решение. Взаимоотношения России и Запада были настолько неустойчивыми, что для него произнести «мы собираемся восстановить их» было серьезным шагом. Робертсон почувствовал, что Путин хочет иметь «незамутненные отношения», отставить в сторону доставшиеся в наследство препятствия и вести речь о серьезных вещах. «Он хотел, чтобы Россию воспринимали всерьез как крупного игрока на мировой сцене».

И другой мировой лидер горел желанием оказать честь новому российскому лидеру. Премьер-министр Тони Блэр усмотрел возможность сделать Британию «самым популярным» партнером России в Европе и решил не затягивать с поездкой в Россию. Она состоялась в первой половине марта, еще до того, как Путин был избран президентом (выборы были назначены на 26 марта). Блэр был готов закрыть глаза на безжалостную чеченскую кампанию Путина гораздо охотнее, чем канцлер Германии Герхард Шредер или президент Франции Жак Ширак. Британский МИД тоже с настороженностью относился к бывшему сотруднику КГБ, действия которого в Чечне многими рассматривались как злодеяния. Однако личные советники Блэра с Даунинг-стрит утверждали, что Путин — из лидеров того типа, «в которых стоит вкладывать средства заранее». «По моему опыту, — говорил руководитель администрации Блэра Джонатан Пауэлл, — офицеры КГБ отличаются большей открытостью взглядов, чем прочие члены старой русской *номенклатуры*. Мы решили установить контакт с ним в ходе предвыборной кампании, а не дожидаться ее окончания, когда возникнет огромная очередь из желающих повидаться с ним. В этом был риск, но мы решили, что так будет правильно, и не ошиблись»².

Пауэлл говорит, что Блэр почти не углублялся в чеченскую проблему до того, как сел в самолет и стал изучать материалы. «Обзор.

подготовленный МИДом, привел его в чрезвычайно раздраженное состояние. Тони сам был обеспокоен исламским терроризмом, он был в состоянии увидеть исходящую от него опасность и считал, что к поведению русских в этом вопросе мы подходим с “двойными стандартами”. Поэтому уже в самолете он решил, что на пресс-конференции даст Путину некоторую поблажку в чеченском вопросе.

Путин был польщен и устроил для премьер-министра и его супруги Чери большую экскурсию по своему родному Санкт-Петербургу. Они посетили Эрмитаж, великолепный летний царский дворец в Петергофе, а вечером побывали на опере Прокофьева «Война и мир» в Мариинском театре. Единственное недоразумение произошло во время беседы в Петергофе, когда британский посол сэра Родрик Лайн неаккуратно плюхнулся в антикварное кресло с тонкими ножками и раздавил его.

«Надеюсь, вы нам это компенсируете», — сострил Путин. По словам одного из свидетелей, «не совсем в шутку».

В ходе визита Блэру удалось добиться всего, чего он хотел. Пауэлл признает, что Британия чувствовала себя «обделенной» в теплых отношениях, которые Ельцин установил с французами и немцами (не говоря уж о Билле Клинтоне), и теперь Блэр «присоединился к этому клубу». Как только в России прошли президентские выборы (выглядевшие простой формальностью, Путин набрал на них 53% голосов), Блэр пригласил его посетить Лондон. Английская пресса подняла шум по поводу того, что «грозненский мясник» приглашен на встречу с королевой в Виндзорский замок³.

Блэр в то время стал основным западным партнером Путина. В ноябре, когда в Америке в ходе президентских выборов пришлось вручную пересчитывать голоса избирателей в штате Флорида, Путин позвонил Блэру посоветоваться, стоит ли ему уже звонить Джорджу Бушу с поздравлениями. Пауэлл вспоминает: «Тони предложил подождать, пока ситуация прояснится. Путин был очень благодарен и не стал звонить. Это было любопытно и стало иллюстрацией таких отношений, каких обычно не могло быть с российскими президентами. У нас возникло ощущение, что инвестиции оправдались».

«Оправданием инвестиций», в частности, была польза, которую мог извлечь британский бизнес от более близких политических отношений лидеров двух стран. В ходе апрельского визита в Лондон Путин встретился с группой ведущих британских промышленников. Лорд Джон Браун, президент компании BP, был впечатлен: «Он был освежающе нов». Бизнесмены слушали Путина, обещавшего принять законы, которые помогут победить коррупцию, и его холодная, бесстрастная манера общения создавала впечатление, что он говорит всерьез. Три года спустя Путин с Блэром присутствовали в Лондоне на церемонии, в ходе которой компания BP и крупнейшая российская нефтяная компания ТНК подписали договор о равноправном партнерстве. На то время 6,75 млрд долларов компании BP стали крупнейшей иностранной инвестицией в российскую экономику. Обе стороны были счастливы. Впрочем, впереди лежал тернистый путь. Постепенно Путин стал менять свое мнение о распродаже национальных стратегических ресурсов иностранцам.

Заглянуть в душу Путина

Что касается США, Путин решил дождаться окончания президентского срока Клинтона и приступил к зондированию почвы в команде Джорджа Буша. Русские давно ждали победы Буша. Они даже посылали делегацию на съезд Республиканской партии, прошедший в Филадельфии в конце июля 2000 г. Один из ее членов — Михаил Маргелов, сенатор и эксперт по связям с общественностью, работавший в предвыборном штабе Путина, — говорил, что это было частью нового подхода «Единой России» к «консервативным партиям всего мира», нацеленного на создание правоцентристской «ветви». Русские встречались с Кондолизой Райс, другими членами команды Буша — встречи были непродолжительными, но достаточными, чтобы получить приглашение на инаугурацию в январе⁴.

В день инаугурации Райс нашла российского дипломата, чтобы от имени новой администрации передать позитивное послание Путину. Райс — советолог, владеющая русским языком, — на ближайшие

годы станет фигурой, определяющей политику Буша в отношении России. Ее послание выражало надежду на перспективу добрых, дружеских отношений, но, разумеется, не в стиле «шоу Билла и Бориса». По мнению Райс, теплые отношения Клинтона с Ельциным были чрезмерно персонализированными и слишком мягкими, когда нужно было потребовать от России отчета за ее действия в Чечне. В статье, опубликованной в Chicago Tribune 31 декабря 2000 г., она выступила с резкой критикой политики Клинтона:

«Проблема для США заключается в том, что вследствие непрерывных объятий администрации Клинтона с Ельциным и так называемыми реформаторами из его окружения ее политика в отношении России попросту провалилась. Безусловно, Соединенные Штаты обязаны иметь дело с главой государства, а Ельцин был президентом России. Но американская поддержка демократии и экономических реформ превратилась в поддержку Ельцина. Его планы стали американскими планами. Америка удостоверятся, что в России проводится реформа, хотя это было не так, и продолжала расходовать деньги Международного валютного фонда при отсутствии каких-либо свидетельств серьезных изменений. Например, несколько необычные методы приватизации назывались либерализацией экономики; разграбление ресурсов страны влиятельными лицами либо проходило незамеченным, либо игнорировалось.

Российские реалии попросту не согласовываются со сценарием администрации проведения российской экономической реформы».

Помимо этого, Райс знала, что предстоят тяжелые времена, поскольку Буш гораздо решительнее, чем Клинтон, планировал добиваться создания противоракетного оборонительного щита. Она вспоминала: «Буш совершенно четко дал понять, что переориентация в оборонительно-наступательных отношениях и в контроле

над вооружениями всегда имела для него очень большое значение и что договор ПРО является препятствием»⁵.

Но пока смена хозяина Белого дома выглядела для Путина хорошим предзнаменованием. После инаугурации Джорджа Буша в январе 2001 г. Россия надеялась на формирование новых отношений с США. Однако русских ждало неприятное потрясение. В марте американцы объявили о высылке из страны 50 российских шпионов, которые работали под дипломатическим прикрытием в Вашингтоне и Нью-Йорке. Русские не поняли тогда и не понимают до сих пор (судя по нашим интервью), что эта высылка также стала неприятным сюрпризом и для новой администрации Буша! В России решили, что тем самым Буш уже в самом начале своего президентства дал жесткий сигнал. На самом же деле это просто была проблема, унаследованная им от своего предшественника.

Директор ФБР Луис Фри «идентифицировал» 50 дипломатов некоторое время назад, но администрация Клинтона отказалась тогда высылать их из опасения испортить особые отношения с Ельциным накануне завершения президентского срока. Когда в Белом доме появилось новое лицо, Фри понимая, что ему самому вскоре предстоит оставить свой пост, решил покончить с этим делом.

Стивен Хэдли, заместитель советника нового президента по национальной безопасности, вспоминал: «Фри был очень настойчив в необходимости принять меры против русской шпионской сети в Соединенных Штатах. Как мне показалось, ему давно хотелось это сделать, но по ряду причин администрации Клинтона в последний год у власти казалось, что сейчас не время заниматься этим вопросом. В итоге дело стало проблемой нового президента. По нашему мнению, это нельзя было игнорировать, нужно было предпринимать действия, причем быстро и сразу. Это были настоящие шпионы, не обычные дипломаты. Все делалось не по политическим причинам, и это не было каким-то сигналом. Решение было принято, и выполнить его было не сложнее, чем пнуть ногой банку с тротуара»⁶.

Задача сообщить о предстоящей высылке русским выпала на долю нового государственного секретаря Колина Павэлла. Он

вызвал российского посла Юрия Ушакова, якобы с визитом вежливости — познакомиться. Пауэлл начал с шутки: «Что вы хотите сначала — хорошие новости или плохие?»

«Хорошее лучше на десерт», — ответил Ушаков.

Пауэлл начал с *hors d'oeuvre**. Он вежливо объяснил, что по существующим джентльменским соглашениям каждая сторона может иметь некоторое количество разведчиков в своих посольствах, но Россия существенно превысила квоту. «Мы вычислили 50 человек. Завтра вы узнаете их имена. Им будет предложено в ближайшие дни покинуть страну. Поэтому я прошу вас вернуться в посольство, включить факс и немедленно известить об этом Москву»⁷.

Ушаков сразу проинформировал министра иностранных дел Игоря Иванова, который пришел в ярость. «Это было абсолютно беспрецедентно, — вспоминает он. — Это была политически мотивированная акция. Мы расценили произошедшее именно таким образом. Мы решили, что это сделано для того, чтобы показать, кто правит миром»⁸.

В Кремле новость не могла задеть более болезненной точки. Этой работой Путин сам занимался в течение шестнадцати лет, и высылаемые были его друзьями-чекистами. Он созвал совещание Совета безопасности. Было решено зеркально ответить на американские действия — но в худшем варианте. Секретарь Совета безопасности Сергей Иванов (тоже бывший советский разведчик) позвонил советнику по национальной безопасности Кондолизе Райс и сказал: «Наш ответ будет очень циничным. Мы выдворим пятьдесят ваших дипломатов, но не сразу, а растянем это на некоторое время, будем тщательно выбирать не только реальных шпионов, но и «чистых» дипломатов. Мы устроим хаос в вашем посольстве»⁹.

Начался взаимный обмен ударами «зуб за зуб». Команду Буша это встревожило, ведь происходившее не было их инициативой. Пауэлл позвонил своему российскому коллеге, министру иностранных дел Игорю Иванову, с предложением «закрывать дело».

* Заквска (фр.). *Прим. перев.*

«Это не то дело, которое мы можем просто закрыть, — возразил Иванов. — Мы вышлем 50. И если вы вышлете больше, мы ответим тем же. Скоро у нас не останется дипломатов, и наши двусторонние отношения придется решать нам вдвоем».

Они согласились остановиться. 18 мая Иванов прилетел в Вашингтон с письмом от Путина. Российский лидер смотрел дальше текущей размовки, сделав акцент на тех же аспектах, о которых говорил с генсеком НАТО Робертсоном: он хотел восстановить отношения на новых принципах партнерства. Пауэлл и Иванов пришли к мнению, что президентам нужно встретиться. И выбрали нейтральное место — Словению, определив дату — 16 июня 2001 г.

Именно здесь, в замке XVI века Брдо, к северу от столицы Любляны, произошло первое свидание Буша и Путина. У Путина есть потрясающая способность подстраиваться под собеседника и завоевывать его доверие, способность, благодаря которой он так успешно «общался с людьми» в качестве сотрудника КГБ. Бывшая журналистка «кремлевского пула» Елена Трегубова описывала случай, как Путин, будучи еще директором ФСБ, пригласил ее в Москве в японский ресторан. «Он блестящий коммуникатор... виртуоз... Он как зеркало копирует собеседника, чтобы заставить тебя поверить, что он — такой же, свой... Причем делает это так ловко, что его собеседник этого явно не замечает, а просто ловит кайф»¹⁰.

В замке Брдо Путин применил свою магию к Бушу. Американец затронул один случай из жизни Путина, о котором его заранее проинформировали. Случай был связан с христианским крестиком, который дала ему мать, а он освятил его в Израиле. Путин быстро сообразил, что это резонирует с характером самого Буша. «Это правда», — ответил Путин, по признанию Буша, сделанному в беседе с американским журналистом Бобом Вудвардом¹¹.

Буш говорит, что выразил Путину свое удивление тем, что коммунист, сотрудник КГБ, носил крестик. (На той встрече его на Путине не было, но месяцем позже он специально привез его

в Геную, чтобы показать Бушу.) «Это об очень многом мне говорит, господин президент, — сказал Буш. — Можно мне называть вас Владимиром?»

Затем Путин рассказал, как сгорела дача его семьи, и единственным предметом, который он хотел найти среди пепла, был этот крестик. «Помню, рабочий протянул руку, и на ладони лежал крест, который подарила мне мать, словно так и должно было быть». Все, Буш был у него «на крючке».

Помощники двух президентов, ожидая снаружи, сильно нервничали на протяжении этой приватной беседы. Госсекретарь Колин Пауэлл вел светскую беседу со своим российским коллегой Игорем Ивановым. Пауэлл вспоминал позже: «Мы с Игорем и вся остальная делегация с деловитым видом сидели вместе и изображали, что у нас — конференция, на которой обсуждаются жизненно важные вопросы. Но на самом деле мы просто сидели, барабанив пальцами по столу, не представляя себе, чем занимаются эти парни»¹².

Наконец президенты вышли на пресс-конференцию. Один из журналистов задал Бушу убийный вопрос: «Могут ли американцы доверять этому человеку?» Все еще находясь под чарами, Буш пришел в лирическое состояние. «Я смотрел этому человеку в глаза. Я считаю его очень откровенным и надежным. У нас получился очень хороший диалог. Мне удалось почувствовать его душу».

Путин едва мог поверить своим ушам. Он повернулся в Бушу и произнес тихим, мальчишеским голосом по-английски: «Спасибо, мистер...» Помощники Буша разинули рты. Конди Райс пробормотала коллеге: «О господи, нам придется найти какое-то объяснение, чтобы это как-то переделать».

Позже Колин Пауэлл отвел президента в сторону и сказал: «Знаете, вы могли увидеть там все что угодно, но когда я смотрю ему в глаза, я по-прежнему вижу К-Г-Б. Не забывайте, у него свободный немецкий потому, что он был резидентом в Германии и он — главный человек в КГБ».

Фраза о том, что ему «удалось заглянуть в душу Путина», будет преследовать Бвша до конца его президентского срока.

Совместная борьба против «Талибана»

Менее чем через три месяца дружба двух президентов подверглась первому испытанию. 11 сентября 2001 г., когда террористы совершили самое громкое за всю историю нападение на Соединенные Штаты, Путин первым из мировых лидеров позвонил Бушу, выразил соболезнование и предложил помощь.

Наблюдая по телевизору, как самолеты врезаются в здания Международного торгового центра и Пентагона, Путин был потрясен, но не удивлен. Всего днем раньше он позвонил Бушу и сказал, что, по его мнению, должно произойти «что-то серьезное». Это случилось после убийства 9 сентября Ахмада Шаха Масуда, противника талибов, лидера Северного альянса Афганистана. Российская разведка интерпретировала это событие как предвестие чего-то худшего. Россия несколько лет поддерживала Северный альянс оружием и деньгами в стремлении сдержать распространение исламского фундаментализма.

Путин сразу же вызвал в Кремль руководителей органов безопасности и спросил, какую помощь они могут оказать. Первое, что им пришло в голову, — отложить крупные морские учения, которые должны были начаться на Тихом океане, чтобы не отвлекать без необходимости вооруженные силы США. Путин позвонил в Белый дом, но не смог поговорить с президентом Бушем, который в этот момент находился на «Борту №1», направляясь в секретное убежище. На звонок ответила Кондолиза Райс. Она была в бункере Белого дома, где уже было принято решение перевести все вооруженные силы США на уровень повышенной боевой готовности — DEFCON 3.

Райс позже вспоминала в интервью: «Я сказала президенту Путину, что наши войска переведены на высший уровень. Помню, он ответил: “Я знаю”. И тут до меня дошло: конечно, он знает, они следят за уровнем готовности наших сил! Он сказал: “Мы отводим свои, мы отменяем все учения”. В этот момент я подумала — кажется, холодная война действительно закончилась»¹³.

Вскоре американцы определились со своим ответом на нападения, которые спонсировали Усама бен Ладен и «Аль-Каида», действовавшие из Афганистана при поддержке фундаменталистского правительства «Талибана». Когда Путин спросил, чем еще он может помочь, ответ был четок: единственным подходящим местом для проведения нападения на Афганистан, помимо американских авианосцев, находящихся в регионе, являются бывшие советские среднеазиатские республики, а Москва сохраняла огромное влияние на номинально независимые Узбекистан, Таджикистан и Киргизию.

Путин решил попросить содействия у среднеазиатских государств и дал это понять американцам. Но столкнулся с неожиданным сопротивлением в собственном правительстве. Стронник жесткого курса министр обороны Сергей Иванов был одним из его ближайших союзников, но более сведущим в нюансах западной политики. Он также был основным каналом коммуникации с Кондолизой Райс. Когда она вошла в кабинет Буша как советник по национальной безопасности, Иванов занимал аналогичный пост в Москве. И даже после того, как в марте 2001 г. он стал министром обороны, Райс испытывала к нему симпатию и (несмотря на дипломатический протокол, который теперь связывал ее с новым секретарем Совета безопасности Владимиром Рушайло) продолжала сохранять связь. На саммите в Любляне, по словам Райс, Буш спросил Путина: «Кому нам следует звонить, если мы не сможем застать вас, а нам будет нужен надежный человек?» Путин ответил: «Это Сергей Иванов». Буш, в свою очередь, сказал: «А у нас — Конди».

Через трое суток после террористических атак Иванов, «надежный человек», внезапно сделал резкий шаг в сторону от заявленной Россией готовности оказать помощь. «Не вижу абсолютно никаких оснований, — заявил он во время визита в Армению, — для даже гипотетической возможности проведения НАТО военных операций с территории среднеазиатских государств».

Американцев смутили противоречивые сигналы. Внезапно президенты среднеазиатских республик, никогда не рассматривавшиеся

в качестве величайших демократов современности, стали всеобщими фаворитами. Путин направил секретаря Совета безопасности Владимира Рушайло выяснить их мнение. Заместитель госсекретаря Джон Болтон прилетел в столицу Узбекистана Ташкент, чтобы склонить на свою сторону президента Ислама Каримова, человека, которого обвиняли в самых вопиющих нарушениях прав человека. Но сейчас американцы были не расположены обращать внимание на подобные вещи. Райс позже вспоминала: «В Узбекистане проблема возникла только с определением цены. Каримову были нужны деньги, и он понимал, что мы в безвыходном положении». Действительно, Болтон вскоре выяснил, что Каримов готов лезть из кожи вон, чтобы услужить. «Я был готов к тому, что это будут невероятно сложные переговоры, а тот спросил: “Почему вас не интересует постоянная база?”»¹⁴.

Это было именно то, чего опасались многие русские, а не только Сергей Иванов: перспектива постоянного американского «присутствия». Ограниченный доступ к среднеазиатским базам ради проведения афганской кампании мог превратиться в нечто постоянное, и тем более политизированное.

Сергей Иванов вспоминает: «Мы опасались, что когда американцы закрепят свое присутствие в регионе, начнется “продвижение демократии”. Мы очень хорошо знали эти страны — они же были частью одной страны [Советского Союза], — а как говорят у нас в России, “Восток — дело тонкое”. Мы опасались, что может начаться *не очень выгодный для нас* политический процесс. Позже это подтвердилось. Лидеры этих стран — Киргизии, Узбекистана, Таджикистана — начали нам жаловаться, потому что они дали американцам все, что те хотели, а те начали сотрудничать с оппозиционными группами, строить демократию»¹⁵.

Это было одним из первых признаков, что при Путине Россия стала рассматривать перспективы демократии у своих границ как угрозу.

В субботу, 22 сентября, Путин вызвал на свою сочинскую дачу, укрытую в лесах на высокой скале с видом на Черное море.

министра обороны и секретаря Совбеза. Обсуждение кризиса заняло шесть часов. Путин утверждал, что Россия не просто оказывает помощь Америке, она делает это и в собственных интересах. Во-первых, Москву давно беспокоит нарастание исламистских сил в среднеазиатских республиках, частично подстрекаемых из Афганистана. После катастрофической войны 1980-х гг. Россия больше никогда не пошлет своих солдат в Афганистан, но если американцы намереваются сделать это, зачем России возражать? Сергей Иванов вспоминает: «Мы рассчитывали на ответную помощь. Мы знали, где расположены базы подготовки боевиков в Афганистане. Нам были известны их точные координаты. В этих лагерях готовили террористов, в том числе из Чечни и Дагестана, равно как из Таджикистана и Узбекистана <...> Мы рассчитывали, что американцы уничтожат базы или захватят террористов и передадут их нам».

Во-вторых, Путин связывал нападения 11 сентября с той же террористической угрозой, с которой столкнулся в Чечне. Поддержка американцев могла усилить поддержку (или, по крайней мере, приглушить критику) его собственной антитеррористической кампании. Российский лидер уже переговорил с американцами на тему связи «Аль-Каиды» и чеченских исламистов. Он даже утверждал, что Усама бен Ладен лично два раза побывал в Чечне. Теперь появился шанс помочь Америке уничтожить источники проблем и в самой России. «Мы все должны понять, — сказал Путин своей команде, — что ситуация в мире изменилась». Сторонники жесткой линии были побеждены. «Даже сомневающиеся согласились, — заметил в интервью Путин. — Новые обстоятельства означают, что мы должны помочь американцам».

Через четыре часа Путин покинул совещание, чтобы позвонить американскому президенту и проинформировать его о своем решении. «Это был содержательный разговор, — вспоминает Путин. — Мы пришли к согласию по конкретным шагам, которые следует сделать незамедлительно и в дальнейшей перспективе». Он предложил материально-техническую помощь, разведывательную информацию, организацию поисково-спасательных операций, если

американских летчиков сбьют в северном Афганистане, и даже право военной авиации пролетать над российской территорией с гуманитарными целями. Самое главное, он сказал Бушу: «Я готов сообщить главам правительств среднеазиатских стран, что у нас хорошие отношения в этом смысле, у нас нет возражений против роли США в Средней Азии постольку, поскольку это касается ведения войны с террором, и это временно, не постоянно»¹⁶. Последние слова имели решающее значение. Спустя десять лет американские войска по-прежнему действуют с авиабазы Манас в Киргизии (несмотря на попытку России выселить их оттуда в 2009 г.)¹⁷. Узбекистан же попросил американцев освободить базу в 2005 г.

Американская кампания заключалась преимущественно в нанесении ударов с воздуха, в то время как самим афганцам (Северному альянсу — противнику «Талибана») предстояло вести боевые действия на земле. Райс говорит, что Сергей Иванов отвечал за материально-техническое снабжение и боевую подготовку отрядов Северного альянса. В то самое время, когда Путин звонил Бушу из Сочи, начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин проводил переговоры с лидером Северного альянса в Таджикистане.

Россия, как казалось, целиком и полностью присоединилась к США в войне с террором. Сергей Иванов утверждает, что через несколько дней после начала войны к российским пограничникам, охраняющим границу Таджикистана с Афганистаном, обратились представители «Талибана». «Они сказали, что уполномочены муллой Омаром предложить России начать совместные с «Талибаном» боевые действия против американцев». Путин вспомнил про этот случай во время визита в Москву министра обороны США Дональда Рамсфельда. «Мы дали им единственно возможный ответ», — сказал Путин на английском, показав грубый русский жест — кукиш. «Мы показываем это несколько иначе, но смысл я понял», — рассмеялся Рамсфельд¹⁸.

Американцы начали боевые действия 7 октября, в день рождения Путина. Он вместе с гостями смотрел по телевизору новости.

в которых показывали первые воздушные налеты. Министр обороны Сергей Иванов повернулся к нему и поднял бокал. «Владимир Владимирович, это подарок ко дню рождения».

Шоу Джорджа и Владимира

Казалось, Путин теперь ответил на вопрос журналиста, прозвучавший на пресс-конференции в Любляне, — могут ли американцы доверять этому человеку? Удовлетворенный образом человека, действующего совместно с Западом, а не против него, Путин продолжил пропагандистское наступление. Сначала он отправился в Германию, где произвел впечатление на принимающую сторону, произнес речь в Бундестаге на немецком языке.

Он подчеркнул сотрудничество своей страны в общемировой войне с террором и противопоставил этому пощечину, нанесенную России бомбардировками Сербии. То событие по-прежнему терзало его, хотя прошло уже более двух лет. «Сегодня решения зачастую принимаются без нашего участия, а нас затем настойчиво просят эти решения поддержать. И после этого вновь говорят о лояльности по отношению к НАТО. Говорят даже, что без России, мол, невозможно воплотить эти решения. Давайте зададим себе вопрос: нормально ли это? Действительно ли это подлинное партнерство?»

«Без атмосферы доверия не может быть единой Большой Европы, — сказал он, раскрывая свое представление о том, что с холодной войной покончено раз и навсегда. — Сегодня мы обязаны сказать, что отказываемся от наших стереотипов и амбиций и отныне будем совместно обеспечивать безопасность населения Европы и мира в целом».

Канцлер Герхард Шредер полностью поддержал мысль Путина о включении России в «совместное» обеспечение европейской безопасности. Уже перед этим визитом они начали думать о немыслимом — о том, что Россия со временем может стать членом НАТО. Шредер вспоминал позже в интервью, что они обсуждали.

как он сказал, «весьма дальновидный» подход в международной политике: «Я обсуждал с Путиным, имеет ли смысл России вступить в НАТО. На мой взгляд, в этом есть глубокий смысл, это хорошая перспектива как для России, так и для НАТО»¹⁹.

Неделю спустя Путин встретился в Брюсселе с генеральным секретарем НАТО генералом Джорджем Робертсоном. Готовый закрепить успех, Робертсон был поражен, когда Путин начал встречу с вопроса: «Когда вы собираетесь пригласить Россию стать членом НАТО?»²⁰.

Советник Путина Сергей Приходько утверждает, что это было всего лишь образным выражением, которое не следует понимать буквально, но Робертсон воспринял вопрос всерьез²¹. Он стал терпеливо объяснять, что подобного рода вещи не делаются быстро. Робертсон вспоминает: «Я сказал: “Господин президент, мы не приглашаем страны присоединяться к НАТО. Вы подаете заявку на членство. Затем начинается процесс, в ходе которого вы демонстрируете, что можете быть интегрированы в НАТО, а после этого выпускается приглашение стать членом”. Он пожал плечами и произнес примерно следующее: “Россия не намерена стоять в очереди среди множества стран, которые не имеют значения”. Я ответил: “В таком случае нам следует прекратить этот дипломатический «танец с саблями» насчет членства и приступить к выстраиванию практических взаимоотношений. Дальше посмотрим, куда это нас выведет”»²².

Отнюдь не обескураженный, Путин продолжил обольщать Запад, делая примирительные жесты. По возвращении из Брюсселя в Москву он дал добро на закрытие двух созданных в советское время военных объектов за границей — военно-морской базы в Камрани (Вьетнам) и центра радиоперехвата в Лурдесе (Куба). В частных беседах российские официальные лица признавались, что они стали дорогостоящими «белыми слонами», от которых только рады были избавиться. При этом в Москве надеялись, что это будет расценено как жест доброй воли, заслуживающий ответного обмена любезностями. Россия надеялась достичь

договоренностей по ряду давно назревших проблем. В 1974 г. в США была принята так называемая поправка Джексона–Вэника, ограничивающая торговлю с СССР до тех пор, пока не будут сняты препятствия для еврейской эмиграции. Проблема давным-давно исчерпала себя, но поправка до сих пор остается в своде законов, несмотря на все просьбы российской стороны (и американские обещания отменить ее). Россия также хотела вступить во Всемирную торговую организацию, что способствовало бы росту ее экономики, но США блокировали этот процесс и повысили тарифы на импорт российской стали. Кроме того, Путин все еще надеялся, что сможет отсрочить отмену договора по ПРО и даже убедит американцев не разворачивать свой ракетный щит.

Этим надеждам вскоре суждено было рухнуть. В предвыборной президентской кампании Джордж Буш пообещал создать американскую национальную систему противоракетной обороны, договор же по ПРО препятствовал этому.

Вопрос был ключевым в повестке дня в ходе государственного визита Путина в США в ноябре 2001 г. Американцы пытались убедить россиян, что тем нечего опасаться, поскольку целью программы является защита Соединенных Штатов от ракет, которые могут быть созданы в будущем такими «экстремистскими государствами», как Ирак, Иран и Северная Корея (страны, которые Буш вскоре определит как «ось зла»). По существу, эта оборонительная система не должна дестабилизировать стратегический баланс сил между Россией и США. Колин Пауэлл вспоминает: «Президент хотел объяснить президенту Путину, что он, Буш, понимает, что холодная война окончена и что мы давно перестали смотреть на Российскую Федерацию сквозь призму холодной войны»²³.

По словам заместителя советника президента по национальной безопасности Стивена Хэдди, Буш сказал: «Я бы предпочел, чтобы мы оба согласились забыть о договоре ПРО и заявить о взаимном сотрудничестве в области новой системы противоракетной обороны. Если тебе, Владимир, будет так лучше, то я буду действовать в одностороннем попятке, а ты не станешь принимать

в этом участия, а может, даже и критиковать в чем-то. Это будет нормально»²⁴.

Теперь настала очередь американцев попробовать соблазнить Путина «музыкой для хорошего настроения». Он был приглашен на семейное ранчо Буша в Кроуфорд в Техасе. Путин воспринял это как некую привилегию. Он объяснил, что еще никогда не бывал в доме другого мирового лидера. Атмосфера была уютной. Для гостей играл пианист Ван Клиберн, кумир советских людей, лауреат первого конкурса имени Чайковского, который проходил в Москве в 1958 г. Кондолиза Райс танцевала, министр иностранных дел Игорь Иванов общался на испанском с президентом Бушем. Иванов вспоминает: «Я говорю по-испански, поскольку одно время работал в Испании, и когда Буш узнал об этом, то всегда пользовался моментом поболтать со мной по-испански. Он называл меня “Игги”. “Привет, Игги, — восклицал он. — Como estas?”»²⁵.

Но Путин, разумеется, не собирался прикрываться фиговым листком, соглашаясь отказаться от договора по ПРО совместно с Соединенными Штатами. Максимум, о чем удалось договориться, так это о том, что Буш не станет смущать Путина заявлением о выходе из договора во время его пребывания в США.

В декабре государственный секретарь Пауэлл прилетел в Москву «хоронить договор». Он сказал Путину, что президент Буш в трехдневный срок публично объявит, что США в одностороннем порядке выходят из договора. Реакция Путина показалась ему любопытной. «Путин окинул меня своим стальным взглядом и начал выражать недовольство: “Это кошмар, вы выбиваете почву из-под стратегической стабильности, мы будем критиковать вас за это”. Я сказал: “Полностью сознаю это, господин президент”. После этого он расплылся в улыбке, подался ко мне и произнес: “Хорошо. Значит, об этом можно больше не говорить. Теперь вам с Игорем [Ивановым] придется заняться разработкой новой стратегической структуры”. Я ответил: “Да, сэр”»²⁶.

* Как дела? Как поживаешь? (исп.) *Прим. перев.*

В течение пяти месяцев был выработан новый договор об ограничении стратегических ядерных вооружений. Он оказался гораздо менее впечатляющим, чем его предшественники — договоры SALT (договор об ограничении ядерных вооружений, ОСВ) эпохи холодной войны и START (договор о сокращении стратегических вооружений, СНВ-2), подписанные Горбачевым и Ельциным с Джорджем Бушем-старшим. Уместившийся на нескольких листках формата А4, он был весьма скромным и, хотя предусматривал сокращение ядерных арсеналов с обеих сторон, не содержал никаких условий обеспечения контроля и даже каких-либо обязательств по окончательному уничтожению арсеналов. Бушу и Путину он был нужен как символ. Два лидера вели себя как на пожаре, и им нужен был некий договор, который бы это только подтверждал.

После церемонии подписания Путин с супругой показали Джорджу и Лауре Буш окрестности Кремля, потом поехали с ними к себе на дачу, где половили рыбу в пруду. Путин возвращал долг за Кроуфорд. На другой день все улетели в родной город Путина, Санкт-Петербург, где посетили огромный городской военный мемориал, Эрмитаж и Санкт-Петербургский университет. Путин успел, кроме того, заглянуть на соревнования по дзюдо. Вечером обе президентские четы в сопровождении министров и советников отправились на балет «Щелкунчик» в знаменитый Мариинский театр.

Здесь произошло нечто любопытное. Между Кондолизой Райс и Сергеем Ивановым сложились тесные дружеские отношения. Они оба оказались балетоманами, и ни одному из них не хотелось сидеть три часа на прекрасно знакомом обоим «Щелкунчике». Когда погас свет, Иванов наклонился к Райс и спросил:

— Конди, ты действительно хочешь посмотреть «Щелкунчик»?

— Что ты имеешь в виду?

— Предлагаю альтернативу. Что-нибудь слышала про балет Эйфмана?

Райс кое-что о нем слышала. Борис Эйфман, хореограф-авангардист, более соответствовал ее вкусам.

— Поехали. — сказала она.

Иванов и Райс выскользнули из Мариинки и отправились в студию Эйфмана. Они сидели бок о бок в репетиционном зале, ошеломленные, единственные зрители захватывающего действия (не считая несколько раздраженного секретаря Совета безопасности Владимира Рушайло, который был послан в качестве *chaperone**).

— Я видел, что ей это понравилось, — вспоминал Иванов позже. — Такого рода вещи нельзя симитировать²⁷.

Они вернулись в Мариинский театр как раз перед тем, как в зале зажгли свет, и успели присоединиться к официальным делегациям, которые еще ждала ночная прогулка по петербургским каналам.

— Личные отношения имеют значение, — признавалась Райс в интервью. — Я пришла к убеждению, что Сергей Иванов — человек, который верен своему слову, и, надеюсь, он так же думает обо мне²⁸.

Это поистине казалось рассветом новой эпохи. Кто бы мог представить, что все это вскоре начнет разваливаться?

* Пожилая дама, сопровождающая молодую девушку (на светских мероприятиях). *Прим. перев.*

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

